

УДК 316. 775. 4+82-3

Я. У. АСТАФЬЕВ¹

ЧИТАТЕЛЬ ПРОЗЫ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА: попытка социологического анализа

Рассматривается динамика изменений круга читателей прозы Ф. А. Искандера на фоне глубоких социальных трансформаций структуры советского, а затем постсоветского общества, вплоть до современности. Делается вывод о глубокой содержательности прозы писателя, обеспечивающей внимание к ней за счёт сочетания самобытно-высокохудожественного изображения проблем и образов времени с верностью этическим и эстетическим традициям русской и мировой литературы.

Ключевые слова: Фазиль Искандер, проза, «Созвездие Козлотура», социология, читатель, урбанизация, деревня.

Предметом настоящего сообщения является читатель прозы Фазиля Искандера, его социальные характеристики и то, что ему ближе всего в творчестве писателя. Поскольку никаких социологических исследований реципиентов текстов Искандера не проводилось, мы можем лишь сформулировать его, этого читателя, в теории, предложить самый общий подход к его пониманию.

Мы будем различать два типа читателей и, соответственно, два типа чтения: «продвинутый» и «профанный».

«Продвинутый» читатель — это, в первую очередь, профессионал литературного процесса, а также входящий в близкий круг литературных профессионалов. Его чтение неслучайно, он знаком с новинками, в том числе ещё не вышедшими, он дышит тем же воздухом, что и автор. Он оценивает авторов и их произведения по «гамбургскому счёту».

Напротив, «профанный» читатель имеет доступ лишь к официальной стороне литературы, ему известно только то, что опубликовано. Ему доступны лишь резонансные суждения и мнения о тех или иных текстах, те, что получили огласку на телевидении, радио и в многотиражной прессе. В своих предпочтениях он неизбежно ориентируется на внешние признаки: статусность автора, его регалии, тиражи, премированность произведения. Он предпочтёт читать то, что пользуется успехом у публики и отмечено авторитетными персонами.

---

¹ Янис Улдисович Астафьев – кандидат социологических наук, социолог (Москва, Российская Федерация); ayanis@mail.ru

Нас будет интересовать именно «профанный» читатель, ибо «продвинутый» нам и без того хорошо знаком (в большинстве своём он присутствует в этом зале).

Для понимания того, что из себя может представлять «профанный» читатель произведений Фазиля Искандера, предлагаем воспользоваться понятийным аппаратом теории урбанизации.

Под урбанизацией в первую очередь понимают перемещение больших масс людей из сельской местности в города. В социологическом смысле урбанизация представляет собой разрушение традиционного уклада и замещение его городским.

Городской уклад подразумевает секуляризацию социального пространства и времени, которая неизбежно ведёт к автономизации личности человека и рационализации его поведения. В нашей стране, однако, процесс урбанизации носил взрывной характер, что не могло не сказаться на особенностях формирования среды читающей публики — городского пространства. Подобный тип расселения В. Л. Глазычев назвал «слободским». Он отметил знаменательное отсутствие в СССР и России главного признака европейского города — гражданства-горожанства (*Civilis*), по которому невозможно распознать «нормальный город» в некоторых застроенных территориях, мало отличающихся от исконных слобод: ямских, стрелецких или пушкарских.

«Слободское» пространство расселения выстраивается властью, в интересах власти и в эстетических представлениях власти. Центр — распорядитель культурного и экономического ресурса, периферия — объект управления. Из этого следует тотальное отчуждение подобного пространства от человека, его населяющего, отчуждением в самом что ни на есть марксистском смысле.

Урбанизация выступила одним из важнейших каналов социальной мобильности во всё время существования СССР. Но этот же процесс выступил и сильнейшим стрессом для даже не десятков, а сотен миллионов горожан первого поколения. Люди попадали из хоть и бесперспективной с точки зрения карьеры, депрессивной, увядающей, но обжитой деревенской среды в абсолютно чуждые им пространства. Из своего дома — в подавляющем большинстве в казённое общежитие, где они жили, отдыхали в принуждённой компании на не принадлежащих им койках, личные вещи клали в не принадлежащие им тумбочки. Естественно это вело к росту ностальгии по деревне, по прежнему быту.

Это с одной стороны. С другой, возникала необходимость двигаться вперёд, вверх по социальной лестнице. Маркерами этого движения выступали символы достижения определённого социального статуса — статуса горожанина.

Советский образец городского образа жизни был представлен у советской интеллигенции — профессионалов распределения ресурса, прежде всего — культурного (А. Г. Левинсон). Социальную дистанцию до этой группы высчитывали неурбанисты и жители села. Социальную дистанцию от неё стремились выдерживать элитные группы — от художественного авангарда и богемы до высшей бюрократии.

Сложение стандартов образа жизни советской интеллигенции прошло под воздействием стандартов высшей бюрократии (номенклатуры), которая

перехватила формы организации быта и досуга у зажиточных городских слоёв дореволюционной России.

Элементами стандарта городского образа жизни в послевоенный период явились: отдельная квартира на фоне коммуналок, радиоприёмник (а затем и телевизор) на фоне радиоточки, дача вместо деревенского жилья, персональный автомобиль на фоне городского транспорта, книги, даже книжные собрания, и чтение в широком смысле.

Широкой публике Фазиль Искандер стал известен с выходом повести «Созвездие Козлотура» (1966). С чем автор пришёл к массовому читателю?

Напомним специфику литературного процесса в СССР. Значимыми различиями «поля литературы» было разделение на, так сказать, русскоязычную литературу и литературу народов СССР. Тиражи последней специальным образом квотировались, местных авторов всячески поддерживали и продвигали местные же власти. В силу определённых обстоятельств Искандер (отец — наполовину перс, мать — абхазка, по настоянию семьи учился в русской школе) не мог идти этим путём и становиться национальным абхазским писателем. Оставалось — шагнуть через голову маленькой национальной литературы и закрепиться в большой — русскоязычной, русской. При этом его проза выглядела в глазах советского массового читателя необычно и в определенном смысле как переводная. Обладая ярким национальным, можно даже сказать — экзотическим колоритом с лёгким «кавказским» юмором, она была написана не просто безупречным — художественно неповторимым русским языком.

Текст «Созвездия Козлотура» содержал даже прямую ностальгию по деревне, столь свойственную многим неоурбанитам. Более того, в нём, а также в произведениях Фазили Искандера, посвящённых Чегему, представлен не просто быт деревни, а собственно традиционный образ жизни, фактически досоветский быт, который резко контрастировал с жизнью раскулаченной и осовеченной деревни средней полосы. Его прелесть, привлекательность для читателя — в его цельности, где нет межумочных социальных ролей и позиций, каждому человеку, каждой вещи, каждому явлению отведено своё место, и оно незыблемо.

Неопределённость и стохастичность в этот быт привносится городом, процессом урбанизации. Проникающие в традиционный образ жизни городские нормы поведения действуют на него разрушительно. Возникают промежуточные формы отношений — блат и взятка, знакомство и кумовство, которые являются способами адаптации к формальным институтам. Без этого господства первичных связей, но не обычаев или традиций, невозможно выживание бывшего деревенского жителя в «слободских» условиях.

В то же время по отношению к деревне — даже и столь обустроенной традицией, как Чегем, — город выступает и источником власти, и поставщиком образцов поведения, и центром притяжения.

В тех произведениях Фазили Искандера, которые были доступны массовому читателю в эпоху зрелого социализма, подобные социологические наблюдения процессов модернизации, урбанизации и передачи элитами своих культурных образцов другим слоям были представлены достаточно фрагментарно, но они позволяли неоурбанитам опознать себя в них.

В эпоху гласности в литературе возникла небывалая нигде ранее ситуация «книжного коммунизма»: интересы писателей и читателей стали финансироваться из государственного бюджета. К широкому читателю вышел пласт ранее запретной литературы, в первую очередь той, где ставился нелицеприятный диагноз советскому строю, и главным образом сталинской поре. В этой связи возник повышенный спрос на литературу, тематизирующую вопросы социальной философии. Именно эти вопросы и были заданы и обсуждены в самом известном широкой публике того времени произведении Фазиля Искандера «Кролики и удавы».

Чтобы описать особенности рецепции «Кроликов и удавов» массовым читателем времени гласности, следует охарактеризовать горизонт ожиданий человека той эпохи. Советского неурбаниста второй половины 1980-х годов характеризует резкое усиление, «прорастание» признаков и характеристик национальной идентичности. Национальная идентичность возникает вместе с началом индустриализации и массовой урбанизации как попытка поиска идеологии для огромного количества крестьян, за короткий период переехавших в города, оторвавшись от привычных им патриархальной семьи и соседской общины. Именно в этот период разношёрстную массу всевозможных этносов и субэтносов переучивают с локальных диалектов на «литературные» государственные языки, чтобы простолюдины лучше понимали приказы начальника на работе и офицера в армии, попутно также консолидируя их вокруг заготовленного национального мифа, проще говоря, объясняя, как нужно правильно любить родину.

Несмотря на некоторые существенные отличия, национальные мифы эпохи гласности характеризовались двумя чертами, из которых формировался специфический образ будущего. Это необходимость всё большего расширения свободы, в том числе свободы перемещения и экономической свободы. И предвкушение изобилия, которое наступит в результате реализации всех этих устремлений. Эти мифы всё больше подкреплялись на фоне нарастания дефицита товаров, пустых полок в магазинах и как следствие — даже введения карточек на различные продукты питания и бытового потребления.

Пессимизм «Кроликов и удавов», выраженный в предсказании автора, что «старый гнёт вернётся» (Саша Чёрный) и условные удавы найдут новые способы питания условными кроликами, шёл вразрез желаниям лучшего будущего бывших советских граждан. Творчество Фазиля Искандера оказалось не востребовано и в другом отношении: он и публично отказался участвовать в формировании любых национальных мифов, будь то абхазский или русский, не говоря уже о грузинском. И нигде не высказывался приоритет национального перед всечеловеческим. Именно пафос последнего ярко выражен в «Стоянке человека» (1990), герой которого, Виктор Максимович, обладает чертами и масштабом титанов Возрождения, деятелей европейского гуманизма. В книге показано противостояние человеческой личности удушью системы советского государства и сформированного в его недрах советского общества. Виктор Максимович совершает поступки и высказывает мысли, идущие вразрез не только со всей тогдашней идеологией, но и всей тогдашней жизнью.

В то же время в целом произведения Фазиля Искандера демонстрировали ряд черт, по которым массовый читатель опознавал в них скорее ли-

тературу мейнстрима, нежели авангардную. Многие из них в значительной степени нравоописательны и нравоучительны, они критичны по социальной направленности (в их критическом репертуаре — в частности, юмор), но моралистичны по идейному заряду и зачастую оптимистичны, позитивны по проблемной развязке. Что послужило рецепции и трактовке писателя в эпоху гласности в качестве одного из представителей новой классики взамен прежнего советского пантеона генералов-от-литературы.

В последующую эпоху, эпоху рынка, массовый читатель резко трансформировался. Общества теперешних национальных государств существенно атомизировались, они всё больше стали утрачивать черты социальности, широко представленные в предыдущую эпоху, в них стали всё больше распространяться признаки распада морально-ценностной системы. Подобное состояние присуще социуму во времена резких социальных изменений, переживания шока будущего, когда большинство членов общества не могут справиться с тем, что идёт на смену прошлого, теряют доверие к господствующим нормам и ценностям, моральным ориентирам и социальным институтам.

В условиях общего проседания общества, и прежде всего — его интеллигенции, ответственной за воспроизводство и передачу культуры, прежде всего в форме кристаллизованного в ней «классического» ядра — скомплектованного культурной элитой собрания образцов крупнейших отечественных и зарубежных писателей, символическое значение «классики» в глазах массового читателя резко снизилось. Его интересы в литературной области резко актуализировались, и на передовые позиции вышла т. н. формульная литература. Формульная литература выступила одним из эффективных способов адаптации мигрантов первого поколения как к формализованным городским отношениям, так и к быстрым социальным переменам. В советский период спрос на формульную литературу был также велик, но он купировался идеологическими властями и перенаправлялся в «нужное», правильное с точки зрения воспитания масс русло. Соответственно, своеобразным суррогатом, заместителем формульной литературы для советских неоурбанитов часто выступали произведения, которые в традиционных рыночных странах Европы шли по разряду высокой, элитарной литературы.

В новой ситуации произведения Искандера остались востребованы лишь в той мере, в какой сохранилась ностальгия по традиции (или же интерес к ней, сродни интересу к путешествиям в архаичные места планеты), интерес к советскому прошлому страны, философский интерес. Если первое и второе с лихвой могут удовлетворить, к примеру, эпические «Сандро из Чегема», «Софичка», то третье — «Кролики и удавы» или «Стоянка человека». Впрочем, интерес подобного рода сегодня с лихвой удовлетворяет интернет, где преимущественным спросом пользуются куда более короткие и динамичные тексты.

Можно с большой долей вероятности предположить, что сегодняшний читатель Фазиля Искандера — это, как правило, представители бывшей советской интеллигенции и осколки тех неоурбанитов, которые привыкли к книге как к значимому предмету досуга.

С течением времени данная аудитория (равно как и само по себе чтение больших литературных произведений как социальное явление) неуклонно

сокращается. Но это не означает, что произведениям Фазиля Искандера грозит забвение. Известно, что сохранение, трансляция культуры во все времена возможна только путём передачи её смыслового поля. Мы можем понять материальные объекты далёкого прошлого, поведение человека соответствующих времён путём их осмысления, прочтения. В социальной системе ответственными за сохранение и ретрансляцию культуры выступают определённые социальные группы. Собственно, только лишь через их посредничество мы имеем представление и об истории человечества, и о его ноосфере. Думается, что при их посредстве произведения Искандера навсегда сохранятся как великолепно сделанное и прекрасно читаемое свидетельство перехода от архаического общества к советскому псевдогороду, а также тонкие наблюдения человека, стоящего одной ногой в глубокой традиции, а другой — в живой современности.

© Я. У. Астафьев